УТВЕРЖДАЮ
Проректор по научной и
международной деятельности ФГБОУ ВО
«Новосибирский государственный
педагогический университет»
доктор педагогических наук
проф. Т.А. Ромм
«04» сентября 2026 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ
о диссертации Неграша Сергея Вячеславовича
«Русская приключенческая проза первой трети XX века:
проблемы поэтики и мировоззрения»,
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1 – русская литература и литература народов Российской Федерации (филологические науки)

Диссертационная работа Сергея Вячеславовича Неграша представляет собой опыт обобщающего исследования русской приключенческой прозы рубежа веков. Исследование охватывает четыре десятилетия в истории русской литературы (1890–1930) и вводит в научный оборот тексты и контексты, часто находящиеся на периферии литературного процесса, чем определяется **актуальность** рецензируемой работы. В фокусе зрения автора работы оказываются не только «канонические» версии рассмотренных произведений, но и авторские редакции и варианты. По утверждению Сергея Вячеславовича Неграша, недостаточная изученность рассматриваемого в работе материала связана с «социальнокультурными аспектами, революционными событиями в нашей стране в начале XX века, когда на смену одному господствовавшему мировоззрению пришло принципиально иное, советское, из-за чего в литературоведении долгое время было невозможно объективно разобрать несоответствовавшие новой идеологии русские приключенческие тексты начала XX века с героями, имеющими религиозное, мистическое или мифологическое мировоззрение» (с. 3). Выбором материала и текстологическим подходом к нему определяется **новизна исследования**.

Теоретическая значимость работы определяется разработкой методов и подходов, направленных на изучение жанрово-мотивного комплекса приключенческой литературы. Привлеченный эмпирический материал, связанный с жанрово-видовыми конфигурациями приключенческого, плутовского и сенсационного романов, также определяет высокую **степень обоснованности** и **достоверности научных положений и выводов.** Не вызывает сомнений практическая значимость работы, поскольку актуализированные произведения могут быть рассмотрены в рамках специальных и факультативных курсов.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы. Формулировка целей и задач представляется корректной, в то же время вызывает вопрос использование в тексте введения оценок, в большей степени характерных для критико-литературного дискурса. Несмотря на то, что академическое литературоведение не предлагает критериев для определения качества текста (В.Н. Топоров, Т.М. Николаева), во втором положении, выносимом на защиту, автор диссертации упоминает «несколько по-настоящему сильных с художественной точки зрения и уникальных по своему содержанию крупных произведений» (с. 15). Оценочность сохраняется и в основном тексте работы.

В первой главе уделяется внимание мировоззренческим контекстам развития интересующего автора жанра, здесь же вводится понятие «переходных» текстов, занимающих срединное место между эпигонскими опытами и самобытной литературой. По утверждению Сергея Вячеславовича, «Русская приключенческая проза была вторична западной, и эта вторичность выражалась по-разному, будь то переосмысление, заимствование отдельных элементов или откровенное эпигонство» (с. 36). В этой части работы не учтены исследования русских формалистов: концепции эпигонства и вторичности активно разрабатывали Ю.Н. Тынянов в своей классической работе «О литературной эволюции» (отсутствует в списке литературы) и В.Б. Шкловский в своих эссе и книге «Гамубргский счет» (ссылка на книгу Шкловского «О теории прозы» дана в списке литературы). Из современных исследователей следовало бы учесть диссертацию и серию статей И. Качая, стремящегося к терминологической точности в определении понятия «эпигонство» и «дилетантизм».

Интерес представляет обращение к русской подростковой литературе. Особенно удачным представляется сопоставление «монархических» текстов

Л. Чарской и «бунтарских» текстов Л. Кормчего. Автор справедливо опирается на работы М. А. Черняк и Б. Хеллмана, впрочем, кроме активно цитируемой статьи Хеллмана «Детская литература как оружие: творческий путь Л. Кормчего» следовало бы обратиться и к ключевой монографии финского литературоведа «Сказка и быль. История русской детской литературы».

Во второй главе рассмотрены мировоззренческие проблемы, отраженные в русской прозе первых двух десятилетий. Автор исследует мифопоэтику текстов В. Г. Тана-Богораза, останавливается на мистико-религиозном восприятии А. Барченко и рассматривает имагологическую репрезентацию в приключенческой прозе П. Белецкого. Как и в первой главе, здесь следовало бы указать, какие работы по мифопоэтике взяты за основу, как понимаются мифопоэтика и имагология. Несмотря на глубокую проработку большого количества контекстов и изучение истории текста, многие сюжеты едва намечены. Например, Сергей Вячеславович анализирует отклики В. П. Некрасова на произведения А. Барченко. Исследователь обращается к «Литературной газете», указывает номер и дату издания: №46 (4280) за 11 ноября 1970 г. Как удалось выяснить автору работы, в этом номере «была опубликована статья В.П. Некрасова, правда она называлась “Извинение перед читателями, а также императором Францем Иосифом”. В ней Некрасов, говоря о письмах читателей, приводил фрагмент письма некоего москвича Абезьянина, который упоминал о “замечательном русском романисте буссенаровского толка Барченко”» (с. 105). Полагаем, что перед нами образец иронии, направленной на дискредитацию и прозы Барченко, и сенсационного романа.

Заметим, что автор исследования неоднократно обращается к истории текстов, говоря о стилевых огрехах и речевых ошибках, отмеченных современниками, приводит замечательные по своему содержанию фрагменты: «*...Вы понадеялись на обилие слов, не думая о их крепости и силе. С языком у Вас не все ладно*» (с. 35), «*Когда же он пытается говорить образным языком, то из этого ничего хорошего не получается*» (с. 154-155).

В заключительной главе исследования рассмотрено отражение идеологических концепций в произведениях М. Зуева-Ордынца, Н. Смирнова и С. Шервинского. Интерес представляет поздняя модификация нигилистического романа «Злая земля» М. Зуева-Ордынца, в котором прослеживается ресентимент, вызванный утратой Аляски, рефлексия

политических процессов 1840-х годов (дело петрашевцев), контаминация мотивов романа «Бесы» Ф.М. Достоевского и прозы Дж. Лондона. В главе, развивая имагологическую концепцию, Сергей Вячеславович акцентирует внимание на отношении метрополии и периферии, сюзерена и субалтерна. В этой части работы было бы целесообразным обращение к работам Э. Саида, а также серии работ о Желтугинской республике (Е.Г. Николаева) и литературе дальневосточной эмиграции (И.Е. Лощилов, Е.В. Капинос, Е.Ю. Куликова), особенно при исследовании романного творчества С. Шервинского. Как и в предыдущей главе, для нас очевидно, что во многих случаях речь идет об авторских мистификациях и открытых провокациях. Расшифровать их комплексно – задача будущего исследования, требующая обращения к источникам личного происхождения. В связи с этим отметим ценность цитируемого на странице 76 письма академика А. А. Шахматова В. Г. Богоразу от 13 мая 1905 года (с. 76). Введение этого памятника в научный оборот требует его отдельной публикации и комментария.

Полноценным разборам текстов, представленных в разделах работы, несколько не хватает содержательных выводов после каждой главы. Отчасти это компенсируется концептуальным заключением, большая часть которого вошла в автореферат рецензируемой работы.

Несмотря на недостаточно выверенную методологию и не всегда убедительную теоретическую базу, можно констатировать: перед нами яркая попытка систематизировать и описать русскую приключенческую прозу.

В то же время работа вызывает ряд вопросов и замечаний.

Вопросы.

1. Какие теоретико-литературные работы учитывает исследователь, разрабатывая концепцию «переходных текстов» как форм подражания и эпигонства?

2. В анализируемых текстах упоминаются Гринев, возлюбленную которого похищают («Капитан корабля “Дедалуса”» М. Волконского), Доктор Черный, который вызволяет из гималайского плена доктора Дорна, потерявшего возлюбленную Джемму («Доктор Черный» А. Барченко), циничный англичанин и фанатик Искандер, снабжающий будущих революционеров своими средствами («Злая земля» М. Е. Зуева-Ордынца). В отдельных частях работы «ономастика имен» (с. 90) рассмотрена. При этом ономастикон, ведущий к ключевым текстам и контекстам классической русской культуры XIX века («Капитанская дочка» А. С. Пушкина, «Вешние

воды» И. С. Тургенева, «Три сестры» А. П. Чехова, «Былое и думы» А. И. Герцена), часто остается за скобками исследования. В связи с этим возникает следующий вопрос: какова роль интертекста классической русской литературы в корпусе рассмотренных текстов?

3. С чем связано обращение к роману о нигилистах в прозе М. Зуева-Ордынца? Какую роль в сюжете романа играет дело петрашевцев? Можно ли говорить о какой-то тенденции или это исключительное явление?

4. Используемое в работе слово «клюква» как имагологический маркер требует пояснения. Какую градацию в системе оппозиций «свой/чужой» и какую номинацию для тенденциозного представления пространства может предложить автор работы?

Замечания.

1. Описывая культурно-историческую ситуацию в Российской империи и СССР, автор работы неизменно использует словосочетание «наша страна»: «События, произошедшие в первой трети XX века *в нашей стране*» (с. 16), «Следует помнить, что в первой трети XX века *наша страна* пережила много потрясений, которые оказали огромное влияние на писателей» (с. 23), укрупненно рассматривает монархическую форму правления, называя ее «царизмом». Недифференцированное восприятие исторических периодов приводит к анахронизмам: «запущенный Александром II образовательный процесс не смог в конечном итоге обратить вспять даже так называемый “Циркуляр о кухаркиных детях” (1887), утвержденный Александром III» (с. 18). Такая оценка разных периодов определяется цитируемой в исследовании литературой, которая далеко не всегда дифференцирована исследователем: в одном потоке находятся критические статьи, биографические очерки, предисловия к популярным изданиям и научные работы. В разделе «Научные, литературно-критические и справочные труды на русском языке» в одном ряду указаны работы С. А. Маршака, В. В. Мароши, М. В. Ломоносова, А. В. Луначарского и П. Лавринца.

2. Современные школы литературоведения демонстрируют множество методов и подходов, направленных на изучение массовой литературы и беллетристики. Речь идет не только о морфолого-типологическом методе описания, но и социологическом, имагологическом, герменевтическом. Несмотря на заявленное следование некоторым из этих методов и обращение к работам Дж. Брукса, Д. А. Брукс, Б. В. Дубина,

А. И. Рейтблата, Б. Хеллмана, Сергей Вячеславович строит свое исследование на дескрипции, пренебрегая возможностью морфологического описания рассмотренных произведений. Не учитывается подход Дж. Кавелти, во многом продолжившего исследования В. Я. Проппа, не используется и базовая для российских литературоведческих школ теория мотива (А. Н. Веселовский, Б. В. Томашевский, И. В. Силантьев, Б. М. Гаспаров).

3. Рассмотренные сюжетные коллизии тяготеют к клише, воплощая устойчивые формулы, то есть повторяемые паттерны, многие из которых описаны в словарях сюжетов и мотивов (Е. К. Ромодановская, В. И. Тюпа, Ю. В. Шатин, Е. К. Никанорова, Т. И. Печерская, Е. Н. Проскурина, Е. В. Капинос): *любовь к иноплеменнику, разрыв с корпоративной средой, путешествие в далекие земли, борьба за клад, сакральная жертва* и т.п.

5. Автор диссертации неоправданно часто переходит от научного стиля к научно-популярному и публицистическому, допускает оценки действий героев и персонажей (что в компетенции литературной критики, а не академического литературоведения), передает эмоциональное восприятие цитируемых фрагментов через риторические восклицания (более 50 в тексте исследователя, что не в полной мере допустимо для жанра научно-исследовательской работы). Приведем только несколько примеров:

В итоге ветер поднимается, да еще какой! (с. 33)

Разве плохо призывать подростков любить свою Отчизну, быть готовыми умереть за нее в случае нужды? Конечно, нет! (с. 52)

Чарская в «Смелой жизни» показывает Надежду Дурову как идеал, легенду, на которую надо равняться, уж если девушка служит Родине, то грешно и юношам не послужить! (с. 58)

Героиня Чарской вызывает у читателей восхищение, а вот персонаж Зуева-Ордынца — куда более сложные чувства, и в первую очередь — раздражение, неприязнь. Он же не просто защищает индейцев и осуждает царя, нет, он идет против своей настоящей первой Родины, против России! (с. 168)

Выбранный автором диссертации регистр филологического исследования постоянно перебивается просторечиями и конструкциями, характерными для разговорного стиля:

Беляев добавляет подсюжеты, существенно расширяет сюжет фильма: всё это в итоге порождает оригинальное произведение, которому нечего завидовать его образцу (с. 45);

Дурова иначе лишается коня: он, ускакав от хозяйки, гибнет, напоровшись на плетень (с. 49);

После чего автор описывает гибель Мами, а за ней и самоубийство Ваттана, перерезавшего перед тем, как вонзить нож себе в сердце, всех тех столь любимых Мами оленей, что не успели убежать (с. 82)

Таким образом, рецензируемая диссертация, с одной стороны, представляет собой новаторскую попытку описания приключенческой прозы, с другой стороны, выбранная форма описания материала исследования вызывает вопросы.

Исходя из актуальности, научной новизны, объема выполненных исследований и практической значимости работы, мы можем говорить о кандидатской диссертации Неграша Сергея Вячеславовича как о состоявшемся филологическом исследовании.

Результаты работы были апробированы на научных конференциях, автореферат и публикации полно отражают содержание работы, многие неопубликованные пока еще фрагменты могут быть представлены в научных изданиях.

Таким образом, можно констатировать, что диссертация «Русская приключенческая проза первой трети XX века: проблемы поэтики и мировоззрения» отвечает требованиям п. 9, п. 10, п. 11, п. 12, п. 13, п. 14 Положения о присуждении ученых степеней (утверждено постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, в действующей редакции с изменениями и дополнениями), а ее автор – Неграш Сергей Вячеславович – заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки).

Отзыв о диссертации составлен профессором кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», доктором филологических наук (5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)), доцентом Алексеем Евгеньевичем Козловым, обсужден и одобрен на заседании кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики

обучения литературе Института филологии и медиакоммуникаций ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет» от 3.09.2026 (протокол №1).

Заведующий кафедрой русской и
зарубежной литературы,
теории литературы и
методики обучения литературе
Института филологии и медиакоммуникаций
ФГБОУ ВО «Новосибирский
государственный педагогический университет»,
доктор филологических наук
(5.9.1. Русская литература
и литературы народов
Российской Федерации
(филологические науки)),
доцент Н. В. Константинова

Сведения о ведущей организации:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный педагогический университет»
630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, д. 28; (383) 244-10-72, e-mail: rector@nspu.ru, http://www.nspu.ru

ВЕРНО:
Зав. канцелярией
04.09.2026